

УДК 811.161.1'37

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

**М.Б. Геращенко
Г.М. Шипицына**

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Gerashchenko@bsu.edu.ru
Shipitsina@bsu.edu.ru*

Динамические процессы в лексике русского языка, результат которых наблюдаем в начале XXI века, в данной статье рассмотрены на примере слов, возвращенных из пассивного словаря в активное употребление. Исследование осуществлено с опорой на толковые словари дореволюционного, советского и новейшего периодов. Авторы полагают, что словарные толкования являются обобщенным и объективным фиксатором языковых инноваций.

Ключевые слова: реактивизация, русский язык, лексика, словарь, дефиниция, словарные пометы, лимитирующие семы.

Одним из динамических процессов, прогрессирующих в лексической системе русского языка конца XX – начала XXI веков наравне с неологизацией, архаизацией, процессом заимствований, деактуализацией лексических единиц, является возвращение с периферии языкового запаса в активный фонд (реактивизация) в литературном варианте русского языка ряда лексем, связанных с такими сферами деятельности россиян, как политика, религия, экономика, государственное устройство, социальное устройство, образование, искусство, судебное дело, массовая культура, духовные традиции общества, например: *беспорядки, лоббирование, феминизм; молитва, святой, верование; вексель, коммерция, конкурент; парламентарий, клерк, чиновничество; великосветский, прислуга, граф; колледж, бакалавр; россияне, владение, вердикт, меценатство, предприимчивость* и др.

Сегодняшние смыслы слов, получивших «вторую жизнь», и их восприятие носителями языка обычно не совпадают с теми смыслами, которые слова имели в прошлые века или десятилетия. Это обуславливает необходимость изучения реактивизированной лексики не только в ее синхронном состоянии, но и в диахронном с учетом принципа историзма. Целью данной работы является выявление особенностей лексикографического представления реактивизированной лексики в словарях разного времени, отражающих динамику вхождения возвращенных слов в словарный запас русского языка.

В науке существует множество различных методов и подходов к диахроническому исследованию лексики (работы В.В. Виноградова, М.В. Бородиной, В.Г. Гака, Н.А. Кондрашова, М.В. Марчук, Ю.С. Сорокина, Н.Ю. Шведовой и др.). Среди основных подходов к изучению лексики можно выделить лексикоцентрический (в центре описания находится слово как некая совокупность всех коннотаций, лексикографического окружения), антропоцентрический (слово анализируется через призму его восприятия носителями языка), текстоцентрический (слово рассматривается как составляющая текста, проводится анализ его контекстуального употребления), словарноцентрический (динамика «исторической перспективы» лексических единиц прослеживается на материале словарей разных периодов). Принимая во внимание основное свойство возвращенной лексики – прямую связь с культурной памятью народа и непосредственное отношение к фоновым знаниям, воплощающим национальную картину мира, мы обратились в поисках материала для анализа к толковым словарям различных эпох.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (г/к № 16.740.11.0295).

По справедливому мнению А.М. Кузнецова, большинство словарей, являясь общепризнанными лексикографическими справочниками с вековыми традициями их усовершенствования и переиздания, в основном дает достаточно верную картину словарных значений: «...представление значений ... хотя и основано на интуиции составителей, часто оказывается ничуть не хуже определений, сформулированных на основе самых изощренных семантических методик» [6, 160]. Сопоставление дефиниций одного и того же реактивизированного слова в разные периоды исторического развития позволяет проследить эволюционный характер его смысловой структуры.

Вопросы теоретической и практической лексикографии рассмотрены в русистике достаточно многогранно. Наиболее спорными и дискуссионными из них по-прежнему остаются вопросы соотношения синхронии и диахронии, языка и речи в словаре, особенности составления словарных толкований, проблема включения в словарную статью экстралингвистической информации. Трудности лексикографии связаны с тем, что современный словарь представляет собой сложную систему, обращаясь к которой реальный носитель языка порой «просто теряется в астрономических масштабах лексического, грамматического, стилистического богатства, накопленного за время двухвекового использования языка и включенного в словарь» [5, 19]. Серьезные проблемы для лексикографического описания слов создают также «парадоксы словарной статьи» [9, 6]: всеохватность задачи – миниатюрность жанра; концентрированность информации – потенция восстановления общей картины классов; связанность всех константных свойств в слове – их искусственное разъятие в словарной статье; слово как единица, не знающая состояния покоя, – ее представление в толковании как единицы, находящейся в состоянии покоя.

Дефиниции реактивизированной лексики русского языка – подтверждение вышесказанному. К словарным толкованиям возвращенных слов, включающим минимальный набор сем, помимо информации лингвистического характера добавляются культурологические и энциклопедические комментарии, идеологические приращения, хронологические маркеры функционирования слова и др. Перечисленные элементы дефиниций обнаруживают свойства реактивизированной лексики как культурного объекта, отражают ее неразрывную связь с историей общества. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, «исторический анализ семантических изменений слова – лишь производная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов» [3, 33]. Проведенный нами анализ языкового материала показал, что основные изменения в семантике анализируемого лексикона русского языка произошли в течение XX века, соответственно для изучения смысловой структуры реактивизированных лексем в динамическом аспекте необходимо их сопоставление за указанный период (1900–2010 гг.). Для достижения объективности анализа были привлечены словари, отражающие отечественную лексикографическую практику с XI века (см. список).

С целью определения количества дефиниций у реактивизированной лексики в указанных лексикографических источниках использовались статистические методы обработки данных – по результатам выборки дефиниций из словарей была создана электронная база анализа реактивизированных слов (более 500 единиц). Применение алгоритмов её обработки (методов группировки и линейного сопоставления данных) позволяет проследить динамику отражения слов в словарях, а также выявить индикаторы и необходимые статистические показатели в соответствии с задачами исследования.

В дальнейшем изложении под количеством дефиниций или слов, представленных в том или ином источнике, подразумеваются сведения об анализируемых лексических единицах (то есть о реактивизированных словах), а не данные в целом по лексикографическому изданию.

Таблица

**Использование статистических методов обработки электронной базы
анализа реактивизированных слов**

Логические операции	Обработка электронной базы анализа реактивизированных слов
1. Определение максимально возможного количества дефиниций (при потенциальном отражении всех реактивизированных слов в каждом словаре)	1. Статистическая обработка массива данных, выборка элементов матрицы по принципу «избыточности толкований»
2. Определение общего количества реально зафиксированных дефиниций	2. Комплексная интерпретация данных, применение приема фильтрации массива данных, подсчет всех элементов матрицы, отвечающих критерию «наличие»
3. Определение количества словарных толкований, зафиксированных для каждого отдельно взятого слова	3. Построение внутренней структуры связей, выборочный подсчет элементов матрицы данных
4. Определение количества словарных толкований, зафиксированных в отдельно взятом словаре	4. Построение внутренней структуры связей, выборочный подсчет элементов матрицы данных

В словарях, выбранных для статистического анализа, были зафиксированы 3362 словарных статьи, что составляет 43 % от потенциально возможного количества словарных толкований – 7752 (если бы толкование для каждого реактивизированного слова было в каждом словаре). Невысокий показатель наличия интересующих нас дефиниций объясняется несколькими причинами. Во-первых, большинство реактивизированных слов являются заимствованными по происхождению, а в толковых словарях вплоть до начала XX века заимствованная лексика не передана в полном объеме, таким образом источники более раннего издания лишь выборочно отражают исследуемый языковой материал, что и обусловило необходимость привлечения для анализа словарей иностранных слов, представляющих лексикон XIX – начала XX века. Во-вторых, из всех словарей, подвергавшихся статистическому анализу, только шесть являются толковыми нормативными словарями, фиксировавшими общепотребительную лексику, в остальных изданиях представлены отдельные группы лексики в соответствии с задачами создания словаря (иностранные, политические, церковные, диалектные слова и др.).

По результатам анализа толкований составлена диаграмма, содержащая информацию о распределении количества реактивизированных слов в словарях разного времени (рис. 1). Исследуемые источники условно разделены по времени их создания и функционирования: изданные до 1917 года (ЛБ, ЦСА, КП, САР, ЛГ, СРЯ, ЦС, СИС, СЯ, Даль, СЛА, СПИ), изданные в период с 1917 по 1991 год (ТСУ, МАС, ОШ), в период с 1991 по 2000 год (БТС, ТСЯИ) и в новейшее время (РТС, ТСХХI, ОЖС). Согласно такому принципу, распределены по указанным группам все словари кроме «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, данные которого привлекались без учета времени издания книги.

На рисунке можно наблюдать динамику обогащения словарного запаса русского языка с 1773 года. До революции 1917 года исследуемые слова постепенно входили в основной языковой фонд (ср. данные ЛБ, ЦСА, КП, САР, ЛГ, СРСРЯ, СИС, СЯ, Даль, СЛА, СПИ) – количество дефиниций слов, представленных в изданиях, увеличивалось. Затем в советский период количество толкований сократилось в связи уходом слов в пассивный запас языка, что отражено в данных ТСУ, МАС, ОШ. И наконец, в результате реактивизации произошел обратный процесс: возвращение утраченных дефиниций в тексты словарей на примере БТС и ТСЯИ.

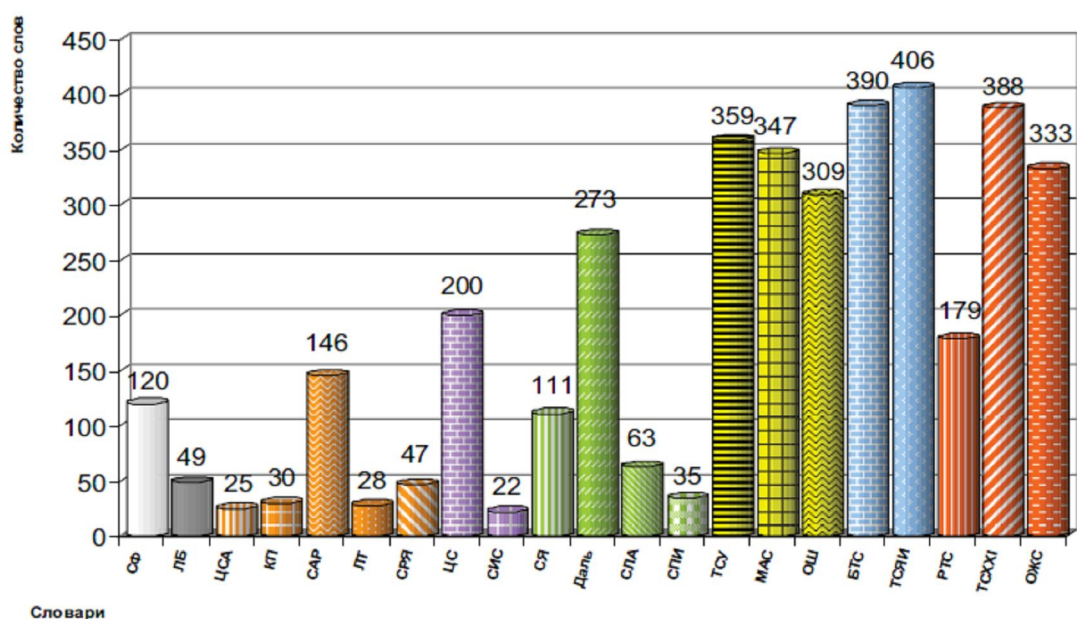

Рис. Распределение количества реактивизированных слов в словарях

Каждый из словарей, откуда отобраны дефиниции, представляет определенный интерес не только как «регистратор и интерпретатор», но и как показатель дифференциации словарно-справочных изданий, в основе которой – дефиниции социально обусловленных лексиконов [4, 130]. Творческий вклад создателя словаря в его работу (опору на жизненный опыт, интуицию) позволяет считать эту деятельность великим искусством.

Особенности толковых словарей проявляются в составе словника, в иллюстрациях к языковому материалу, в специфике дефиниций, в пометах. К примеру, дефиниции реактивизированной лексики из источников, изданных до первой четверти XX века, отражают период, когда слова, переместившиеся позднее в пассивный фонд русского языка, еще функционировали достаточно активно, не имея ограничений в семантике. Следовательно, словарные толкования, извлеченные из книг дореволюционного периода, показывают состояние смысловой структуры слов, не отягощенной различными пометами и комментариями. Среди словарей данного периода реактивизированная лексика наиболее полно представлена в толковых нормативных словарях: «Словаре Академии Российской...» (1789-1794) и «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном вторым отделением Императорской академии наук» (1847). Самым ранним по времени создания среди словарей, использованных в работе, явился словарь украинского филолога Памвы Берынды «Лексикон славеноросский и имен толкование» (1627), в котором было отражено около 50 интересующих нас слов, в основном религиозного содержания. Такой же направленности в отборе лексики придерживался и создатель «Церковного словаря» П.А. Алексеев (изд. 1773 года). Первое издание словаря содержало исключительно церковную лексику, поэтому дефиниции ЦСА представляют ценность для анализа реактивизированных слов сферы «Религия» (24 единицы).

Особое место в ряду лексикографических источников того времени занимает знаменитая «Российская универсальная грамматика» (1769) Н.К. Курганова, во втором издании названная им «Книга Письмовник» (1777). В ее основе лежит грамматика, вслед за которой идут «Присовокупления» – собрания анекдотов, пословиц, загадок,

обзор наук, художеств, поучений, стихов различных жанров, материалы справочного характера и «Русский словотолк», предлагающий читателям объяснение новых, иностранных по происхождению, слов. Данный раздел отразил около 30 единиц интересующей нас лексики, в их числе: *акциз, банкир, банкрот, гильдия, президент, атаман, вексель, гимназия, губернатор, коммерция, магистр, пикет, рандеву* и др. Интересно, что Н.К. Курганов, заботившийся о чистоте национального языка, предложил своеобразные замены-объяснения заимствованной лексики и ввел в состав своего словаря славянизмы, например: *губернатор – управитель, банкрот – проторгаш, маклер – сводчик, паника-дило – многосветоч, патриарх – отценадальник, антихрист – христопротивник, банкир – векселедавец; анархия – безначальство* и другие.

Неразрывная связь словаря с историей народа обнаруживает его свойства как культурного объекта, которые весьма ярко проявляются в дополнительных культурных комментариях и пометах к толкованиям. «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский ...» В.Н. Татищева (1793), считающийся первой русской энциклопедией, обладает такими свойствами в полной мере. Каждому из 28 реактивизированных слов, представленных в нем, автор дал не только лингвистическое определение, но также и пояснение энциклопедического характера, содержащее историю объекта, его устройство, назначение и функционирование.

Данные словарей иностранных слов применялись в работе для сопоставления с материалами толковых словарей с целью определения степени вхождения реактивизированных лексем в словарный запас русского языка. Количество слов, отраженных этими изданиями, колеблется от 22 до 111.

На следующем этапе работы изучались словари XX столетия, представляющие реактивизированную лексику в гораздо большем объеме, чем их предшественники, и явившиеся регистраторами многочисленных семантических трансформаций, произошедших в лексической системе русского языка с 1917 по 1990-е годы. «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова (1935-1940), «Словарь русского языка в 4-х томах» (1957-1961) и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова (1991) использовались нами для иллюстрации словарной преемственности, развития смысловой структуры слова и определения роли мировоззренческих факторов в толковании реактивизированной лексики.

Уникальным фиксатором тоталитарного языка советского времени стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, отразивший «прямое давление идеологии на лексическую семантику, искусственный примат сигнификативной функции, квалифицирующей язык как «фиксатор» идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата» [7, 7]. Представление реактивизированной лексики в нем, как ни в каком другом лексикографическом источнике, сопровождается разного рода отсылками, обозначающими прикрепленность слова к тому или иному историческому периоду, что обуславливает хронологическую связь значения слова с конкретной историко-политической ситуацией. Лексические единицы с такой характеристикой в научной литературе квалифицированы как «идеологосемантические историзмы» [4, 166].

Влияние официальной идеологии очень часто проводится через языковую политику, исходя из этого в советскую эпоху словари и энциклопедии были использованы не только по своему прямому назначению – для толкования слов и понятий, но и в качестве средства намеренного формирования мировоззренческих установок личности. «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и другие издания того периода становились проводниками политики партии и государства и предоставляли в распоряжение своего адресата четкую систему идеологических предписаний и помет, подлежащих внедрению в языковое сознание. В этом убеждают примеры толкований: *миротворец-о – «книжн., устар., ритор., теперь чаще ирон. Лицо, способствующее сохранению или восстановлению мира» (ТСУ); господин-о – «в буржуазно-дворянском обществе: человек привилегированного класса»*

(ОШ); *монополия-о* – «крупное капиталистическое объединение, возникшее на основе концентрации производства и капитала с целью установления господства в какой-нибудь области хозяйства и получения максимальной прибыли» (ОШ).

Коснемся проблемы классификации дополнительных компонентов в составе словарных статей реактивизированной лексики в период ее пребывания в пассивном фонде русского языка. В процессе изучения словарных толкований нами было замечено, что практически каждому возвращенному слову свойственны компоненты толкования, которые помимо классифицирующей, квалифицирующей и оценочной функций, выполняют дополнительно-информирующую функцию, создающую хронологическую, локальную или социальную кулису – то есть являются фоновыми компонентами толкующей формулы [1, 73]. Например, «в иностранных государствах», «в старое время», «в феодальном обществе», «по суеверным представлениям», «у верующих», а также «истор.», «дореволюц.», «офиц.», «книжн.» и другие. Мы полагаем, что кроме дополнительно-информирующей функции эти компоненты, находясь в составе словарных толкований реактивизированной лексики в период ее пребывания в пассивном запасе в советское время, выполняли в большей степени ограничительную функцию, так как указывали на «правильное» употребление слова в речи или же корректировали его семантику. В связи с неоднородностью выделенных компонентов необходимо определить, какие именно параметры толкования и какая зона дефиниции подвергались ограничениям.

Наибольшая часть ограничительных компонентов представлена разнообразными словарными пометами к толкованиям реактивизированной лексики. Чаще всего в словарных статьях они оформлены с помощью скобок, точки или тире и прежде всего определяют нормы и практику употребления ЛСВ, задают системные ограничения («высок.», «лит.», «неодобр.», «полит.», «церк.», «фин.», «спец.», «разг.», «старин.» и др.). Например: *компаньон-1* – «соучастник торгового предприятия (*торг. дореволюц. и загр.*)» (ТСУ). Словарные пометы не входят в состав лексического значения ЛСВ, но, по выражению академика В.В. Виноградова, «сопутствуют» ему. В словарных статьях реактивизированной лексики в период нахождения ее в пассивном фонде нами были классифицированы три типа словарных помет-ограничителей в соответствии с их функцией.

1. Отраслевые словарные пометы, ограничивающие сферу употребления слова, – наиболее часто присутствовали в словарных статьях реактивизированных слов в советское время (более 190 слов). Примеры: *стикер-о* – «**полит.** Наименование председателя палаты общин в Англии» (ТСУ); *модель-о* – «натурщик, натурщица, какой-н. предмет, служащий материалом для художественного воспроизведения, изображения (**искус.**)» (ТСУ); *праведник-о* – «**рел.** Человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-л. религии» (МАС). Большинство помет этого типа утратились в связи с возвращением слов в активное употребление.

2. Стилистические словарные пометы:

а) ограничивающие функционально-стилевую принадлежность слова. Несмотря на небольшое количество разновидностей помет этого типа (всего 9 вариантов употребления), они находятся на втором месте по частотности появления в словарных статьях возвращенной лексики дореактивизированного периода, после реактивизации слов утрачены. Примеры: *беспорядки-о* – «массовые волнения (**офиц. дореволюц.**)» (ТСУ); *волонтер-о* – «**книжн.** То же, что доброволец» (ОШ);

б) ограничивающие экспрессивное содержание слова. Примеры: *благословение-2* – «разг. **шутл.** Одобрение, поощрение; полное согласие с чем-л.» (МАС); *юродствовать-о* – «**неодобр.** Вести себя подобно юродивому» (ОШ). Пути развития помет-ограничителей после реактивизации слова: утрата большинства ограничителей в связи с возвращением слов в активное употребление; сохранение пометы «высокое» к ЛСВ слова *обет*, пометы «шутливое» к ЛСВ слова *братия* в результате закрепления экспрессивной коннотации в содержании указанных лексем.

3. Временные словарные пометы, указывающие на время функционирования слова:

динамика помет этого типа (в основном, их утрата в постсоветский период функционирования) наиболее точно отражает суть процесса реактивизации как процесса возрождения историзмов в современном русском литературном языке. Примеры: *губернаторство-о* – «**дореволюц.** Пребывание в должности губернатора» (ТСУ); *богомолье-о* – «**устар.** Паломничество, хождение верующих к особо почитаемым церковным святыням» (МАС).

От словарных помет отличаются особые фрагменты толкования, которые «не связаны со сферой литературного языка, с его функционально-стилевым расслоением. Они направлены не на толкуемую лексему, а на содержательную сторону знака – семеме» [8, 33]. Например: *лицей-1* – «привилегированное мужское среднее или высшее учебное заведение **в царской России**» (МАС). Эти ограничительные компоненты – **лимитирующие семы**¹ – несут информацию, связанную с внеязыковой реальностью, указывают на место номинируемого понятия или явления в действительности и культуре соответствующего периода и входят в состав семемы.

По нашим наблюдениям, наиболее частотными для реактивизированных слов являются изменения в периферийной зоне смысловой структуры семемы (или лексико-семантического варианта – ЛСВ), происходящие на стыке двух периодов – советского и современного, что выражается в изменении лимитирующей семантики. На материале толкований возвращенной лексики нами были определены разряды и типы лимитирующих сем, их функции, пути развития после реактивизации слова. Дадим краткую характеристику выделенным типам лимитирующих сем.

1. Историко-культурные лимитирующие семы.

Все лимитирующие семы периферийной зоны смысловой структуры ЛСВ являются отражением социолингвистической информации, а историко-культурные – особенно. В данной группе объединены семы, отражающие ограничения по времени, месту и эпохе существования объекта, обозначенного реактивизированным словом или его отдельным ЛСВ.

Локальные лимитирующие семы – выражали ограничения места пребывания номинируемого объекта действительности, в частности, указывали на то, что объект не имеет отношения к жизни советского общества. Примеры: *казино-1* – «игорный дом, а также увеселительное заведение с рестораном **за городом и на курортах в странах Западной Европы**» (МАС); *биржа-1* – «**в некоторых странах:** учреждение для заключения финансовых, коммерческих сделок» (ОШ). **Временные лимитирующие семы** – добавлялись в толкования слов преимущественно под влиянием идеологии и получали негативную окраску в толковых словарях, издававшихся до 1990 года. Примеры: *коляда-1* – «рождественский обряд, преимущ. на Украине, сопровождающийся песнями и обходом соседей **(теперь исчезнувший)**» (ТСУ); *либерализм-1* – «политическое направление, отстаивавшее свободу буржуазии **в феодально-крепостническую эпоху и в эпоху буржуазных революций**, ставшее глубоко реакционным с установлением ее политического господства и развитием революционной борьбы пролетариата» (МАС).

Локально-временные, или хронотопные, лимитирующие семы – семы, которые нельзя отнести к локальным и временным лимитирующим семам из-за семантической спаянности. Примеры: *дворянство-о* – «высшее привилегированное сословие **(существовавшее в России до революции и состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников)**» (ТСУ); *волость-2* – «**в дореволюционной России и в СССР до районирования 1929-30 гг.:** низшая административно-

¹ Под термином «лимитирующая сема» мы понимаем компонент смысловой структуры семемы, который ограничивает содержание или употребление ЛСВ в денотативном, сигнификативном, коннотативном значениях.

территориальная единица, входившая в состав уезда» (МАС); *приют-2* – «**в дореволюционной России** и в капиталистических странах: благотворительное учреждение для одиноких стариков, сирот, для бездомных» (ОШ).

Лимитирующие семы, ограничивающие общественную ситуацию, в которой находится объект номинации. Под «общественной ситуацией» нами понимается политическое, социальное, экономическое и религиозное устройство государства. К многочисленным семам, выражающим значения этого типа, были отнесены все семы, вербализованные и группой слов, и одиночными именами прилагательными или именами существительными, которые ограничивают значение или употребление в речи семемы. Примеры: *анархизм-1* – «мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, **враждебное марксистско-ленинскому учению** о пролетарской революции и диктатуре пролетариата как единственном пути к уничтожению классов и отрицанию государства» (ТСУ); *вольнодумство-0* – «критическое, скептическое или отрицательное отношение к господствующим религиозным или политическим (**дворянско-буржуазным**) взглядам, строю; свободомыслие» (МАС); *монополист-2* – «крупный **капиталист**, представитель монополистического капитала» (ОШ).

Большая часть историко-культурных лимитирующих сем утратилась в связи с возвращением слов в активное употребление. Некоторые историко-культурные семы сохранились в семемах, отражающих исторический аспект значения, либо были заменены на другие семы этого же разряда (например, в БТС в состав значений ЛСВ *бакалавр-2* и *губернатор-1* добавлена сема «**в России после 1991 г.**», в состав значений ЛСВ *гимназия-1* и *колледж-0* – сема «**в современной России**»).

2. Собственно прагматические лимитирующие семы.

Интерпретация лексики, относящейся к религиозной сфере, в словарях до 1991 года часто сопровождается маркерами «*фантастический*», «*мистический*», «*недостовверный*» и т.п. Использовались лимитирующие семы, направленные на выражение как «правильной» идеологической точки зрения, так и такой, от которой читателю словаря, по мнению его создателей, следует отмежеваться. В этом случае «... концепты становятся не объектами духовного познания и анализа, а объектами обличения» [7, 29]. Исследуемый языковой материал позволил обозначить в структуре возвращенных ЛСВ наличие лимитирующих сем, выражающих ироничное сомнение в достоверности существования объекта номинации или отрицание такого существования. Примеры: *Бог-0* – «по религиозным верованиям – верховное существо, стоящее **будто бы** над миром или управляющее им» (ТСУ); *паломничество-0* – «хождение, странствование по **так называемым** «святым местам» (МАС); *юродивый-2* – «**в суеверных представлениях**: обладающий даром прорицания» (ОШ). Пути развития собственно прагматических лимитирующих сем после реактивизации слова: утрата большей части лимитирующих сем из структуры ЛСВ возвращенной лексики, номинирующей реалии религиозной сферы; появление лимитирующих сем в содержании слов-репрезентантов паранормальных явлений действительности, а также понятий философского и мифологического мышления.

3. Этно-социальные лимитирующие семы.

Этнические лимитирующие семы – были отмечены нами в толкованиях двух слов: *лама-0* – «монах-священник **у буддистов-ламаистов**» (ТСУ); *Масленица-0* – «языческий многодневный праздник проводов зимы **у древних славян и других народов...**» (МАС). В семантической структуре указанных ЛСВ после их реактивизации этнические лимитирующие семы утрачиваются, хотя, на наш взгляд, они способствовали более точному толкованию лексического значения этих слов.

Лимитирующие семы, выражающие предписываемое идеологией режима отношение социума к объектам номинации. – в советский период в основном заполнили семантическую структуру ЛСВ, обладающих предметной семантикой (номинаций предметов церковного обихода, богослужений, праздников и т.п., *искл.*: наименования высших существ в христианстве). Примеры: *праздник-1* – «**в религиозном обиходе** –

день, посвященный памяти какого-нибудь религиозного (исторического или легендарного) события или так называемого святого (церк.)» (ТСУ); *праведник-1* – «у верующих: человек, который живет праведной жизнью, не имеет грехов» (ОШ); *Святки-о* – «у православных христиан: праздничное время от Рождества до Крещения, сопровождавшееся обычно хождением ряженных, гаданием и т.п.» (БТС). Лимитирующие семы этого типа встречаются и в толкованиях современных словарей, несмотря на возвращающиеся в российское общество традиции христианства. Это может быть объяснено, с одной стороны, данью лексикографическим устоям, что особенно характерно для БТС, являющегося продолжателем традиций МАС и в связи с этим часто дублирующего толкования, представленные в последнем; с другой стороны, понятия, обозначаемые этими словами, относятся прежде всего к религиозной сфере или порождены ею, однако в обществе носителей языка пока нет единства в отношении к религии.

Итак, в словарных статьях реактивизированных слов, представленных в словарях различных периодов, ограничительные компоненты (в состав которых входят словарные пометы и семы, лимитирующие содержание смысловой структуры семемы) не остаются неизменными. Они либо утрачиваются полностью, либо утрачиваются с приобретением новых компонентов, либо происходит замена одного компонента на другой, и мощным катализатором в их динамике являются, безусловно, социолингвистические факторы. Сравним словарные толкования лексемы *феминизм*: *феминизм-о* – «(полит.) **Буржуазное** политическое движение **в капиталистических странах**, имеющее целью добиться формального равноправия женщин» (ТСУ); *феминизм-о* – «название **буржуазных** политических течений, борющихся за равноправие женщин с мужчинами» (МАС); *феминизм-о* – «женское движение за полное уравнивание женщин в правах с мужчинами» (БТС). В данном случае можно наблюдать постепенную утрату лимитирующих сем в смысловой структуре семемы. В семеме, по данным ТСУ, присутствуют три лимитирующие семы: две историко-культурные «*буржуазное*», «*в капиталистических странах*», ограничивающие общественную ситуацию, а также словарная помета к дефиниции «*полит.*», ограничивающая сферу употребления слова. В значении в МАС остается одна историко-культурная сема «*буржуазных*», а в БТС к ЛСВ добавляется лимитирующая сема ядерной зоны «*женское*», ограничивающая сигнификативное значение лексемы.

В толкованиях слова *меценат* прослеживается приобретение семемой лимитирующих сем, а также словарных помет к дефиниции, а затем окончательная их утрата со временем (ТСЯИ), ср. толкования: *меценат-о* – «**книжн. и ирон. Богатый** покровитель наук и искусств» (ТСУ); *меценат-о* – «**книжн. Богатый** покровитель наук и искусств» (МАС); *меценат-о* – «**в буржуазно-дворянском обществе: богатый** покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию» (ОШ); *меценат-о* – «тот, кто покровительствует развитию искусства, науки, культуры, оказывая финансовую поддержку» (ТСЯИ). Сема ядерной зоны «*богатый*» также утрачивается по причине переосмысления отношения общества к номинируемому словом *меценат* явлению.

Интересно изменение в дефинициях слова *гувернер*: *гувернер-о* – «надзиратель за детьми, воспитатель» (Даль); *гувернер-о* – «воспитатель, **обычно иностранец**, нанимаемый **в буржуазных** семьях для воспитания и начального образования детей» (ТСУ); *гувернер-о* – «воспитатель **в буржуазных и дворянских** семьях, **обычно иностранец**, нанимаемый для воспитания и домашнего образования детей» (МАС); *гувернер-о* – «воспитатель детей **в дворянских и буржуазных** семьях, **часто иностранец**» (ОШ); *гувернер-о* – «домашний воспитатель, учитель детей дошкольного возраста» (ТСЯИ). Лимитирующие семы в структуре семемы остаются неизменными вплоть до конца XX века, лишь в ТСЯИ семы центральной зоны «*обычно иностранец*» и «*в буржуазных и в дворянских*» утрачиваются.

Изучая представленность массива реактивизированной лексики в различных словарях, мы исходили из постулата В.В. Виноградова, согласно которому при пре-

кращении живого употребления слова, «утраченное слово, закрепленное в памяти письменности, может дать жизнь как бы новому слову с той же внешней формой, но наполненному новым содержанием» [3, 24]. Не измененные внешне по форме, но обретшие новый смысл, реактивизированные слова вернулись в наш язык: в каждодневное употребление, в современные толковые словари. Неудивительно, что в последние годы создатели лексикографических трудов стремятся избавить их от всяческой идеологизированности. Однако, по мнению некоторых исследователей, можно усомниться в возможности абсолютного исключения идеологического компонента в профессионально-лексикографическом толковании слов. Иногда вместо декларируемой деидеологизации в практике толкования появляется замена одних идеологем на другие, одних социально устремленных коннотаций на другие, более соответствующие новой системе аксиологических координат, или реидеологизация [2, 92]. И все же, по нашим наблюдениям, практически во всех случаях идеологически-оценочные наслоения в структуре реактивизированных лексем не закрепились и в более позднее время были нейтрализованы.

Список литературы

1. Белоусова А.С. Унификация словарных толкований: ее реальные возможности (класс лиц) [Текст] / А.С. Белоусова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. статей. – М.: Наука, 1988. – С. 71–74.
2. Васильев А.Д. Динамика дежотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке) [Текст]: монография / А.Д. Васильев, Т.К. Веренич. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – 247 с.
3. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 5–37.
4. Голованевский А.Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX вв. [Текст]: словарь / А.Л. Голованевский. – Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического ун-та, 1995. – 170 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
6. Кузнецов А.М. Компонентный синтез как способ верификации словарных дефиниций [Текст] / А.М. Кузнецов // Теория языка и словари. – Кишинев, 1988. – С. 159–162.
7. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции [Текст] / Н.А. Купина. – Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
8. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты [Текст]: монография / О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.
9. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи [Текст] / Н.Ю. Шведова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. статей. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.

Список использованных словарей и их условные обозначения:

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Текст]: словарь / Под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – С.-Пб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Даль – Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: словарь / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903–1911); т. 1–4. – М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
3. КП – Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезнотраважных вещесловий [Текст]: словарь / Новое издание пересмотренное, поправленное и умноженное. – СПб., 1777.
4. ЛБ – Берында, П. Лексикон славеноросский и имен толкование [Текст]: словарь / П. Берында. – Киев, 1627.
5. ЛТ – Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином тайным Советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым [Текст]: словарь. – СПб., в типографии Горного Училища, 1793. – 217 с.

6. МАС – Словарь русского языка в 4-х томах [Текст]: словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957-1961.
7. ОШ – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]: словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1991. – 917с.
8. ОЖС – Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений [Текст]: словарь / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – 976 с.
9. РТС – Лопатин, В.В. Русский толковый словарь [Текст]: словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.
10. СА – Алексеев, П.А. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних ... [Текст]: словарь / П.А. Алексеев. – М., 1773. – 398 с.
11. САР – Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный [Текст]: словарь. – СПб., 1789–1794.
12. СИС – Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе. [Текст]: словарь. – Москва: В типографии К. Андерса, 1861.
13. СЛА – Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов [Текст]: словарь / Сост. Ачадов. Вып. первый. – М.: Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Народная мысль», 1906. – 326 с.
14. СПИ – Словарь (политические и иностранные слова) [Текст]: словарь / Сост. Н. Гомартели и М.Марков. – М.: Изд-во «Живое Слово», 1917. – 64 с.
15. СРЯ – Словарь русского языка XVIII века [Текст]: словарь / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.
16. СФ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: словарь / Пер. с нем. и доп.: акад. О.Н. Трубачев. – Мультимедиа-издательство "Адепт", 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
17. СЯ – Словарь иностранных слов и научных терминов [Текст]: словарь / Составил А.Е. Яновский. – Вып. 1, 2. – СПб., 1905.
18. ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст]: словарь / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.
19. ТСУ – Толковый словарь русского языка [Текст]: словарь / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова; т. 1–4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
20. ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст]: словарь / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 702 с.
21. ЦС – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук [Текст]: словарь / В 4 т. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847.

LEXICOGRAPHIC REFLECTION OF DYNAMIC PROCESSES IN THE RUSSIAN LEXICON

M.B. Gerashchenko
G.M. Shipitsina

*Belgorod
 State
 University*

*e-mail:
 Gerashchenko@bsu.edu.ru
 Shipitsina@bsu.edu.ru*

This article describes the dynamic processes in the Russian lexicon the results of which are observed in the lexemes which were recovered from the passive language stock to the active usage at the beginning of the XXI century. The research based on the dictionaries of pre-revolutionary, Soviet and contemporary periods. The authors consider that lexicographic definitions are integrated and objective fixation of linguistic innovations.

Key words: reactivization, the Russian language, lexis, dictionary, usage labels, limiting seme.